ности) было заимствовано в XIV в. из чешского языка [6]. При таких данных трудно считать *čьstьnostь праславянским словом, известным во всех праславянских диалектах. Тем не менее, реконструкции именно такого рода появляются в разных публикациях и солидных этимологических словарях. Этого не должно происходить, если считаться с историческими и текстологическими реальностями. Аналогичные проблемы возникают при анализе и ряда других слов, трактуемых сходным образом в праславянских словарях. Это, например, *bujьnostь (в нашем праславянском словаре под ред. О. Н. Трубачева и в польском под ред. Ф. Славского). Однако в русском языке это недавнее слово (его нет у Срезневского и в Словаре русского языка XI—XVII вв.), в сербохорватских словарях оно квалифицируется как новое («u naše vrijeme u književnika»), в болгарском языке (у Герова) оно не документировано. Трудно, при таких данных, признать эту лексему праславянской. В польском праславянском словаре дается, например, *davьnostь. Однако это слово в лучшем случае является диалектным праславянским (преимущественно или исключительно западнославянским).

Диалектные зоны относительно разных типов словообразовательных моделей образуются не только наличием или отсутствием в языке соответствующих формантов, но и сочетаемостью конкретного форманта с разными типами основ. Здесь, например, за активностью какого-либо конкретного суффикса на определенной части славянской территории могут скрываться глубокие различия в его валентности по отношению к разным типам словообразовательных основ. Тем самым также создается дифференциация, внешне не столь очевидная, как, например, наличие или отсутствие самого форманта, но очень важная для выяснения возникновения диалектных различий вообще и являющаяся важным формальным инструментом для изучения взаимодействия славянских языков и диалектов и для разного рода исследований, в первую очередь текстологических. Отсюда, как мы надеемся, понятна опасность элементарного сравнения суффиксальных формаций без учета всех этих обстоятельств. Становится очевидным, что в определенных случаях нужна предварительная *очистка* материала для сравнения и реконструкции.

Эвристические возможности идеи диалектных зон праславянского с различной валентностью формантов *-ostь*, *-ьstvo* (*-ьstvьje*) относительно разных типов производящих основ опираются также на известный факт широкого распространения церковнославянских рукописей в славянском мире, в результате чего в эти рукописи проникает большое количество элементов из разных славянских языков. Они разносятся практически по всему славянскому миру. Так, например, чешские церковнославянские тексты X—XII вв. попадали на Русь также и через болгарское посредство [7]. Поэтому если, например, в сочинениях Иоанна Экзарха попадаются формальные богемизмы (например, *дробьньство*), а в Изборнике Святослава *грѣшьньство*, то это должно не удивлять, а стимулировать к текстологическим разысканиям, ибо история церковнославянских текстов очень непроста.

Примечания

1 *Кравчук Р. В.* Дифференциация праславянских культурных диалектов по данным словообразования (фрагменты славянского словообразования). Минск, 1983.

2 *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

3 См.: *Краўчук Р. У.* Да марфалагічнай матывацыі ўжывання фарманта *-stvie* у старачэшскай мове. — Беларуская лінгвістыка. Мінск, 1980 (17), 58—61. Здесь отмечается, что в Вышеградском сборнике сочинений Т. Штитного употребляются 24 существительных на *-enstvie*. Из них только три имеют параллели на *-enstvo*.

4 См.: *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, СПб., 1910, с. 59. См. еще: *Mareš F.* Česká redakce církevní slovanštiny v světle Besěd Řehoře Velikého (Dvojeslova). — Slavia. XXXII, 3, 1963, 437—438.

5 *Шанский Н. М.* О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке. — В кн.: Вопросы истории русского языка. М., 1959, 120—121. В статье Н. М. Шанского указывается, что формант *-ость* присоединялся и к прилагательным на *-ьн-* (приводится слово *черность*). Но это явная ошибка: в праславянском слове *čьrnъ 'черный' (такова именно праформа) никакой суф. *-ьн-* не выделяется. Членение может производиться только на дославянском (индоевропейском) уровне. Обзор этимологий приводит ЭССЯ, вып. 4, 155—157. Слово *чьстьность*, приводимое В. В. Грещуком (см. его «Історичний розвиток словотвірної структури українських іменників на *-ість* (< *-ость*)» (в ж. «Мовознавство», 1981, № 3, 61), представляет собой специальную проблему, о чем речь будет далее.

6 См. *Štěrbová M.* K otázce bohemik v charvátskohlaholském písemnictví. — In: Studie a práce linguistické I / K šedesátým narozeninám akad. B. Havránka. Pr. 1954, 382.

7 См.: *Флоровский А. В.* Чешские струи в истории русского литературного развития. — Славянская филология. М., 1958, III, 211—251.

Л. В. Куркина

К РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ПРАСЛАВЯНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Метод лингвистической географии наряду с другими методами (фонетическим, словообразовательным, семантическим и т. п.) входит в арсенал внутренних средств этимологической науки, конечные цели и задачи которой подчинены решению общей проблемы реконструкции праславянской языковой системы во времени и пространстве [1]. В «Этимологическом словаре славянских языков» [2] лингвогеографическая характеристика является одним из критериев этимологического анализа и вместе с тем имеет определенное самостоятельное значение, поскольку территориальное распределение этимологических связей и соответствий дает основание для суждений о диалектном членении праславянского языка. «Этимологический словарь славянских языков» (ЭССЯ), ориентированный на выявление изоглоссных связей, регулярно отмечает и выделяет праславянские

лексемы, ограниченные в своем распространении одним диалектом или группой диалектов, и тем самым вводит в научный обиход новый большой фактический материал, который конкретизирует и углубляет наши представления об ареальных связях, характеризовавших праславянское языковое пространство. Благодаря достижениям славянской лингвистической географии и праславянской лексикографии реализуется на практике принципиально новый подход к пониманию развития диалектной структуры праславянского языка. Данные всех языковых уровней и особенно лексического не подтверждают положения о изначально трехчленной структуре праславянского и свидетельствуют о том, что праславянский язык характеризовала более сложная система диалектных отношений, которая неоднократно перестраивалась под влиянием разных факторов лингвистического и экстралингвистического характера. А это означает, что отсутствует тождество между составом и территориальным распределением диалектов в праславянскую эпоху и эпоху исторического развития славянских языков и, следовательно, в исторически сложившейся классификации славянских языков нельзя усматривать простое воспроизведение диалектных отношений праславянского. Формирование славянских языковых групп — во многом продукт позднего развития, результат конвергенции диалектов, нивелирования различий в определенных конкретно-исторических условиях развития славянских языков. И задача современной славистики состоит в том, чтобы на основе ретроспективного анализа восстановить процесс вычленения в праславянском древнейших диалектов и диалектных групп. Основной путь к решению поставленной задачи лежит через исследование частных систем, последовательную стратификацию языкового материала, выявление в терминах изоглосс пространственных характеристик, существенных для понимания этногенетических процессов. На современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, решающее значение в разработке вопросов диалектной структуры праславянского приобретают данные лексики. Для характеристики генетических связей славянского языка / диалекта и определения его места на карте праславянского особенно важно систематическое обследование той части словаря, которую характеризуют ограниченные ареальные связи. В сложном переплетении изоглосс наиболее показательны устойчивые пучки сепаратных связей, в которых можно видеть отражение этнолингвистических процессов разных эпох. Но поскольку речь идет о близко родственных диалектах, при интерпретации лексических схождений необходимо считаться с несколькими альтернативами. Лексико-семантические соответствия, во-первых, могут отражать генетическое тождество диалектов в праславянскую эпоху, во-вторых, они могут быть результатом интерференции языковых явлений на смежной территории. И, наконец, существует возможность независимого локального сохранения лексем, некогда имевших более широкий ареал распространения. Необходимо считаться также с возможностью независимых инноваций в разных частях славянского мира. Неполнота фактической базы, представляемой лексикографическими источниками, а также отсутствие достаточно надежных критериев для хронологического расслоения языкового материала затрудняют выводы о том, какие именно отношения представляют те или иные изоглоссы. Но определенные предпосылки для суждений этногенетического характера создает осмысление фактов в рамках системных отношений в соответствии с концепцией праславянского, которая в ходе исследований развивается, уточняется, существенно меняется в каких-то своих частях.

Выводы о праславянском находятся в прямой зависимости от результатов всестороннего обследования праславянского лексического фонда с точки зрения отдельного славянского языка / диалекта. Современная славистика располагает опытами подобных исследований. Принципиально важное методологическое значение имеет предложенная О. Н. Трубачевым реконструкция праславянских лексических диалектизмов на материале восточнославянских и серболужицких языков, а также разработанные им некоторые фрагменты праславянских лексических отношений с выводами о членении праславянского [3]. Предпринятое Г. Шустер-Шевцом исследование серболужицких языков в широком контексте славистических проблем открывает новые аспекты в освещении проблемы происхождения западно-славянских языков [4]. Блестящий пример последовательного ретроспективного анализа сербохорватского языка с выявлением древнейшей диалектной базы и генетических связей на праславянском уровне дает И. Попович в фундаментальном исследовании «История сербохорватского языка» [5]. Выводы И. Поповича носят более общий характер и касаются проблемы происхождения южнославянской языковой группы в целом. Реконструируемые им древнейшие диалектные отношения требуют дальнейшей детализации и углубления прежде всего по данным лексики отдельных южнославянских языков и диалектов. Лингвогеографическое изучение удостоверяет неоднородность южнославянской языковой группы в целом и составляющих ее двух диалектных комплексов — западного и восточного. По направлению внешних и внутренних изоглосс поддаются вычленению на этой территории диалекты и диалектные группы, сохраняющие свое значение для праславянской эпохи. Для понимания процесса формирования южнославянской языковой группы особое значение имеют данные словенского языка. Словенский язык, выступая на правах автономного образования, в историческом плане обнаруживает генетическое единство с кайкавским, чакавским, западноштокавским диалектами сербохорватского языка. Это, по выражению А. Белича, «первое южнославянское языковое единство» восстанавливается на основании некоторых общих явлений в фонетике, морфологии (ср. *dj* > *j*, тв. п. ед. ч. основ на *-ā* в форме *-ō* и т. п.[6]), генетическое тождество этой группы диалектов находит отражение и в лексике. Сам факт существования слов, отличительно характеризующих северо-западную группу диалектов, заслуживает самого пристального внимания и всестороннего изу-

чения. Общая часть словаря, насчитывающая не одну сотню слов, включает напластования разных эпох. Выявление ядра исконно славянской лексики, унаследованной из праславянской эпохи, предполагает снятие самого верхнего слоя, содержащего разного рода заимствования, новообразования (ср. для примера словен. *ničęmuren*, хорв.-кайк. *ničemuran* 'бесполезный, ненужный', производные от местоимения *nič*, словен. и хорв.-кайк. *skoznovati* 'бдеть', соотносительное с *skoz* 'сквозь, через' и т. п.). Состав древнейших диалектизмов этого ареала еще подлежит установлению, но предварительные наблюдения (Bezlaj. Eseji, гл. VI—IX) [7] показывают, что эту общую часть словаря характеризуют разнонаправленные изоглоссные связи как в пределах славянских языков, так и на индоевропейском уровне. Специального изучения требует проблема сепаратных связей указанного ареала с индоевропейскими языками и в первую очередь с языками балтийской группы [8].

Северо-западная группа диалектов может рассматриваться как область консервации словообразовательных архаизмов, для которых, как правило, отсутствуют точные лексико-семантические соответствия в славянских языках, но представлены этимологически тождественные основы. Не имея возможности сколько-нибудь полно охарактеризовать диалектизмы этого типа, мы остановимся лишь на некоторых наиболее выразительных примерах, частично уже отмеченных в литературе:

**ka-vьrga*: словен. *kvŕga* 'сучок', с.-хорв. *kvŕga* 'нарост' (RJA V, 856—857), хорв.-кайк. *hȅrgo* то же [9] при **vьrg-/vьrz-* в польск. *warga* 'губа', болг. *върга* 'опухоль';

**meldьnъ*: словен. *mlȇden* 'худой, слабый', с.-хорв. *mlȇdan*, *mlȇdna* (Дубровник)=*mnȇdän*, *mnȇdńa* (Жумберак)=*mlidan* (Оток, Славония, Крк) 'тощий, безвкусный' (Skok II, 442; Mažuranić I, 670), хорв.-кайк. *mlēden* 'слабый' [10] при рус. *меледа* 'тягостная, бессмысленная работа';

**pa-tъščiti*: словен. *páščiti se* 'стараться; торопиться, спешить', с.-хорв. *pȁštiti se* (Лика)=*pȁšćiti* (хорв.-кайк. Загреб, Жумберак, XV в.) (Skok II, 618; Mažuranić II, 900), чак. *pȁšćit se* 'торопиться, спешить' [11] при рус. *тоска*;

**-pętiti*: словен. *pripetíti se* 'случиться, произойти', кайк., чак. *spétiti* и *pripéti*=*pripetiti se* (Хорватия Жумберак), чак. *pripȅtit se* то же [12], ср. рус. *спятить* < **pęti*;

**skord-*: словен. *skrȁdnji* 'последний' (ю.-в. Штирия, Бела Краина), с.-хорв. *skrȁd* 'конец, край', чак. *skrȁdńī* 'конечный, кромешный' [13], хорв. *skradnja vura*, *skradnja volja* 'последняя воля' [14], при укр. *кóрода* 'большая поленница', полесск. *коро́дáйка* 'часть самопрялки' и т. д. (Этимология 1981, 3—6);

**pažel*ь, одно из названий когтя наряду с **paz-nogъlь*, **pazurь*: словен. *páželj* 'коготь' (вост. Штирия), хорв.-кайк. *páželj* то же и *pȁ°žȁl* 'Asterklaue' [15], с.-хорв. *pážeḷ* имя (RJA IX, 727: Лика). В нем можно видеть производное на *-elь* от основы **pazio-* (ср. словен. *pȁž* 'дощатая стена', чеш. *paže* и т. д.) с первоначальным значением 'стык, задор, пространство между двумя поверхностями' [16];

paz-kъlь*: словен. *párkelj* 'коготь; раздвоенное копыто', с.-хорв. *párkalj*=*parkel* (Белостенец, Стулли) '*unguis*', с метатезой *pȁrljak* 'копыто' (Истрия) (Skok II, 609) отражают сочетание архаичной приставки *paz-* с корневой морфемой *kъl-* (~kolti*), этимологически тождественной рус. *клык*, чеш. *kel* и т. д. (Фасмер II, 255—256; Sławski II, 141—143);

**rъp*: словен. *repȅč* прил.=*ripȅč*, *rupȅč* 'о глазах взбешенного пса; воспаленная покрасневшая рана' (Pleteršnik II, 418, 427, 445) и старохорв. *repečiti* 'гримасничать', сев.-чак. *repečiti* 'надуваться; хвастать; важничать' [17]. Словенские прилагательные, возможно, причастного происхождения вполне определенно указывают на производящие глаголы — *rípiti* 'сильно жечь (о ране); наливаться, краснеть (о ягодах)' и *rȗpiti* 'жечь', последний не отмечен в словаре Плетершника и приводится нами по материалам Ф. Безлая [18]. В ближайшем родстве со словенскими глаголами находятся с.-хорв. *rípati*, *rīpām*=*rīpȁt*=*rīpit* 'прыгать, скакать' и *rȗpati*, *-ām* (Makarska) 'слоняться, скитаться' (Skok III, 145, 173), рус. *рýпить* 'озабочивать, беспокоить' и *рыпаться* 'беспокоиться, метаться', польск. *rupić się* 'стараться', чеш. *-rypovat* 'идти быстрым шагом' и т. п. (Фасмер III, 519, 530; Machek [2] 527), за пределами славянских языков — лит. *rūpėti* 'тревожить', лтш. *rūpêt* 'печалить', лит. *raupýti* 'рыть', др.-инд. *rōpayati* 'отламывает', *rúpyati* 'испытывает ломоту' и т. д. На этимологическом уровне для **rypati*, которое рассматривается обычно в отрыве от **rupati*, восстанавливается расширение элементом *-p* основы глагола **ryti* [19]. Индоевропейские соответствия указывают на то, что образование основы с расширителем *-p* относится еще к эпохе диалектного развития индоевропейских языков. В системе апофонических отношений праславянского складываются варианты основ с разными ступенями чередований корневого гласного, и значение южнославянских диалектизмов в том, что они позволяют восстановить в ряду отношений *rup-* — *ryp* промежуточную ступень — основу *rъp-* с гласным в ступени редукции. Определенные трудности при реконструкции ряда **rup-*: **rъp-*: **ryp-* создает видоизмененная семантика ю.-слав. **rъp-*. Возможно, мы имеем дело с семантической инновацией, продвинутым состоянием семантической эволюции в направлении 'метаться, проявлять беспокойство' > 'испытывать сильное возбуждение' > 'внешнее проявление этого состояния'.

В целом южнославянские диалектизмы северо-западного ареала обнаруживают соответствия во всех севернославянских языках. Ср. по данным ЭССЯ **bl'uzgati*, **gnědъjь*, **gnětiti*, **gonobiti*, **golotja*, **xrětiti*, **kresati*, **kolnьcь*, **xъrčьkъ*, **krěl'ǫtъ/utъ* и т. п. Но удается выявить немало случаев сепаратных связей с двумя группами языков — восточнославянскими языками (ср. **brazdati*, **br'uzga*, **čeklъ*, **grěnь/*granь*, **madežь* и т. п.) и диалектами чешско-словацкой языковой группы (ср. **rěsknъ*, **kъrgati*, **vor-vor-*, **dvorъkъ*, **čilъjь* и т. д.).

Существует настоятельная необходимость в полном выявлении состава указанных изоглосс. На этимологическом уровне восстанав-

ливается генетическое тождество для некоторых лексем, представленных в отдельных северных и южных ареалах.

Чередующиеся основы **valt-/*vьlt*, этимологически связанные с слав. **vel-*, **valъ*, **valiti*, представляют, видимо, словен. *obálten* 'вялый; неотесанный; неуклюжий; широкий (об одежде)' < *ob-val-t-* (Bezlaj II, 232) и чеш. диал. ляш. *vltat'* 'волноваться, выплескиваться' (voda balvany *vltá*, *vlce*, *je vltava*, voda *se vyvl'tuje* přes břehy na cestu), река *Vltava* (Machek [2] 695). К этому же этимологическому гнезду следует, видимо, отнести группу русских слов с корневой частью *волт-/валт-*, расширенной экспрессивными наращениями *-ош*, *-ож*, *-уз*: *вóлтошиться*, *валтóшиться* с общим значением 'суетиться, возиться' (Вят., Сиб., Тобол., Том., Арх., Костр., Иркут.), *волтóжиться* 'шевелиться, ворочаться; суетиться, метаться; хлопотать, тревожиться, волноваться', *валтажиться*, *валтожиться* 'много и долго заниматься чем-либо, возиться с чем-либо; ухаживать за кем-либо' (Олон., Волог., Яросл.), *волтóзиться* 'бороться, драться, возиться' (Яросл.), *волтузить*, *валтузить* 'бить, колотить' (Курск., Орл., Калуж., Яросл., Тул., Брян.) (Филин 4, 30; 5, 75—76). Повсеместное распространение этих слов является серьезным аргументом против предлагаемого Фасмером объяснения рус. диал. *валтáжиться* из франц. *avantager* 'благоприятствовать; увеличивать долю (в наследстве)' (Фасмер II, 270). В своем предположении Фасмер основывается на единичном примере, заимствованном из словаря Куликовского, с неточной передачей значения, видоизмененного и сближенного со значением указанного французского слова. Приведенный материал служит достаточным основанием для реконструкции праславянского лексического диалектизма **volt-/valt-/vьlt-*, соотносительного с **vel-*, **valъ*, **valiti*.

Ряд чередующихся основ **put-/*pъt-/*pyt-* с общим значением 'вздутие; вздуваться', фрагментарно отражаемый славянскими языками, в полном виде представляют диалекты северо-западной части южнославянской языковой области. Продолжением одного из апофонических вариантов можно признать словен. *spitek* 'болезненный, слабый ребенок', отмеченное только Миклошичем (Miklosich 318) и, несомненно, связанное с хорв.-кайк. *ošpiten* 'весьма малый' (Skok II, 574), нареч. *ošpitno* 'скудно' [20], *ošpitoma* 'слабо, плохо' (Habdelić) [21]. Этимологизация этого слова вызывала затруднения. Скок без всяких оснований выводит хорватско-кайкавское слово из лат. *hospes*, *-tis*, а в словарях Миклошича и Безлая (Bezlaj II, 260) находим сопоставление со ст.-слав. спыти, испыти 'напрасно, бесполезно', спытаныи 'напрасный', ср. словен. *uzpitnih rotah* (Фрейз.). А. С. Львов [22], изучавший функционирование ст.-слав. спыти и синонимичных тоуще, лшоуга в древнейших памятниках письменности, одним из первых поставил под сомнение возможность сближения спыти и словен. *spitek*. И, действительно, имеются серьезные основания, чтобы отграничить словен. *spitek*, хорв.-кайк. *ošpiten* от ст.-слав. спыти. В диалектах северо-западного ареала легко поддается выделению группа родственных слов, в пределах которой еще сохраняются живые связи между основами *put-* и *pyt-*. Это — словен. *pīta* 'курица (детское слово); ядро ореха', а также, видимо, *pīčka* 'косточка' (< **pytj-*), производное *pitan*—*putan* 'зоб у птицы' (Pleteršnik II, 34, 43) и далее *put*, *pūta* 'зоб, грыжа; ядро ореха', *pūtav* 'с большим зобом; н е з р е л ы й (о з в е р е)', *pūtavec* 'имеющий повреждения; н е з р е л о е с у щ е с т в о, желторотый, *pútiti se* 'раздуваться, дуться' (Pleteršnik II, 367). В западных диалектах сербохорватского языка находим преимущественно продолжения основы *put-*: *pùtača* (Жумберак, Лика) *putáča* (Жумберак, Приморье, Шушнево, Хорватия) в значении 'зоб; глотка, горло' (Skok III, 87—88; Vitezović [23]), хорв. *putan* 'struma' [24], *putaňa* 'зоб' (RJA XII 791: Шулек, Белостенец). За пределами южнославянских языков основу *put-* представляет польск. диал. *putyna* 'толстая, грубая (женщина)' (Варшавский словарь V, 446). Прослеживаемая взаимосвязь значений 'вздутие' и 'слабый, незрелый' (ср. семантически близкое рус. диал. *пыж* 'клуб, ком' и *пыжик* 'карапуз' — Даль [2] III, 546) дает семантическое основание для сближения словен. *spitek*, хорв.-кайк. *ošpiten* с приведенными выше образованиями. Основы *put-* и *pyt-* связаны чередованием через ступень редукции, представляемую основами **pъt-* (ср. рус. диал. *потка* 'птичка, птица') и **pъtj-* (ср. словен. *pečka*, хорв.-кайк. *pečka* 'косточка', чеш. *pecka*, н.-луж. *packa* — Machek [2] 440—441). Ф. Безлай [25] как будто бы предполагает основу **pъtj-* для словен. диал. *pəčka*, *pəčkálo* 'тот, кто лениво, медленно, плохо работает', и если это так, то и в этом случае можно видеть одно из проявлений семантического отношения 'вздутие, раздуваться' > 'слабый, плохой'. Исходный для всей этой группы слов и.-е. корень **peu—/*pou-/*pū-* в сочетании с расширителем *-t* широко отражают и.-е. языки: лтш. *putns* 'птица', лит. *paũtas* 'яйцо', лат. *putus* 'дитя', др.-инд. *putrás* 'дитя, сын' (Pokorny, 847).

Лексические материалы словенского языка и близких ему диалектов позволяют полнее восстановить фрагменты отдельных этимологических гнезд. Примером может служить словен. *trček* 'древесный ствол, палка', *trček* 'сучковатое полено', маленький коренастый человек' [26], которое вместе с *trcelj*—*štrcelj* в значении 'ствол дерева', *trkelj* 'пень, полено' соотносится с гл. *trčati* 'втыкать; приостановиться в развитии'. Славянские языки знают семантически близкие производные от гл. **tъrčati* (ср. слав. *stьrkъ* 'аист', польск. *stark* 'кол, острие' — Фасмер III, 758, 769), и состав их может дополнить чешское образование с приставкой *ko-* —*kotrč* 'рассоха; руль или весло; клок (травы); гроздь; куст; букет (фиалок); невыросшее дерево, куст' и др. Разветвленная семантика этого слова сводится к основному значению 'то, что торчит; выходит за пределы чего-то; имеет неопределенную форму'. Объяснение *kotrč* в рамках этимологического гнезда с корнем *tъrč-* имеет достаточно надежные основания и свободно от многих трудностей фонетического порядка, с которыми сопряжено предложенное Махеком сближение *kotrč* с *kostrč* и *kostrbatý* (Machek [2] 283). Широкие семантические возможности слав. **tъrč-*, в полной мере реализуемые чешским словом, позволяют несколько расширить границы этого гнезда и предположительно включить в него образования с сильно продвинутой се-

мантикой: с.-хорв. *trčuljak* в загадке 'кисточка' (Skok III, 495) и словац. *trčník, trčula* бот. 'небольшое зеленое растение из семейства ятрышниковых' (SSJ IV, 565).

В рассматриваемом нами ареале, исторически связанном с чешско-словацкой языковой областью, наблюдаются общие явления в сфере семантики. Именно в этой области слав. **piskělь, *pišťalь* с первоначальным значением 'полый стержень' функционирует и как анатомический термин, которым обозначают голень, малую берцовую кость: словен. *piščâł, píščeł* ж. р. 'голень' и 'трубка', *píščala, pîšev, píšča, pískalica, pišalo* 'tibia' и чеш. *píšťal* 'труба' и 'голень' [27], диал. *píščeu̯, -le* 'кость голени' [28], а также в.-луж. *pišćel* 'малая берцовая кость' (Трофимович, 169). Признак полой структуры мотивирует и становление значения 'стержень пера' в чеш. *pisk*, словац. *piski* 'перья' [29]. На этой же территории на правах анатомического термина выступает и сложение *na-rъtъ* (перв. 'острие') 'подъем ноги'; словен. *nárt*, др.-чеш. *nárt* (Gebauer II, 495), а также в.-луж. *narć* (Bezlaj II, 215) при рус. диал. *нáрта* 'вид саней', польск. *narty* 'лыжи'.

Дальнейшая инвентаризация праславянских лексических диалектизмов и изучение межславянских лексических связей помогут создать надежную материальную базу для исследования проблемы этногенеза славян.

Примечания

1 *Трубачев О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования. — ВЯ 1959, N 1, 16—33.
2 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974—1985. Вып. 1—12.
3 *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи). — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 159—196; *Он же.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 154—172.
4 *Шустер-Шевц Г.* Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития. — ВЯ 1983, N 2, 33—50.
5 *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
6 Там же, гл. VII, § 92.
7 См. еще: *Boryś W.* Problematyka prasłowiańskich dialektyzmów leksykalnych. Izoleksy południowosłowiańskie i zachodnio-południowosłowiańskie. — В кн.: Etnogeneza i topogeneza słowian. Materialy z konferencji naukowej zorganizowanej przez Komisję Sławistyczną przy Odziale PAN w Poznaniu w dniach 8—9. XII. 1978. Warszawa; Poznań, 1980, 75—87.
8 *Bezlaj F.* Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. — Linguistica VIII/1. Ljubljana, 1966—1968, 63—81.
9 *Jedvaj J.* Bednjanske govor. — Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1956, I, 301.
10 *Herman J.* Prilog poznavanju leksičkoga blaga u govoru Virju (Podravina). — Filologija, 7. Zagreb, 1963, 86.
11 *Koschat H.* Die čakavische Mundart von Baumgarten im Bürgenland. Wien, 1978, 243.
12 Ibid., 254.
13 *Белич А.* По чакавским говорам. СПб., 1910, 54.
14 Hrvatski kajkavski pisci II: 17 stoljeće. Zagreb, 1977, 38, 128.

15 *Herman J.* Op. cit., 88; *Fancev F.* Beiträge zur serbokroatischen Dialektologie. Der *kaj-* Dialekt von Virje mit Berücksichtigung der Dialekte Podravina's. — AfslPh B. 29, H. 1—4, 385.
16 *Топоров В. Н.* О происхождении нескольких русских слов (К связям с индоиранскими источниками). — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, 38.
17 *Matić T.* Lexicalia iz starih hrvatskih pisaca. — Rad JAZU. Knj. 315. Zagreb, 1957, 68.
18 *Bezlaj F.* Slovenski jezik v luči leksikologije. — Radovi XXXV. Odjeljenje društvenih nauka. Knj. 12. Sarajevo, 1969, 96.
19 *Трубачев О. Н.* Славянские этимологии 29—39. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1962, 40.
20 *Herman J.* Op. cit., 88.
21 Hrvatski kajkavski pisci II, 125: Habdelić.
22 *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, 31.
23 Matić T. Vitezovićev «Lexicon latino-illyricum» — Rad JAZU. Zagreb, 1955, 47.
24 *Stachowski St.* Wyrazy serbsko—chorwackie w «Thesaurus polyglottus» H. Megisera (1603). Wrocław etc., 1969, 120.
25 *Bezlaj F.* Etyma slovenica. Ljubljana, 1970, 163.
26 *Štrekelj K.* Slovarski doneski iz živega jezika narodovega. — LMS. Ljubljana, 1894, 49.
27 Jbid., 32.
28 *Malina J.* Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946 (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, č. 10), 83.
29 *Palkovič K.* Z vecného slovníka slovákov v Maďarsku. — Jazykovedné štúdie. II. Dialektológia. Bratislava, 1957, 317. Иной подход к объяснению чеш. *pisk* см.: *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI. — В кн.: Этимология, 1976. М., 1978, 35—38.

Ю.-А. Лаучюте

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Трудно переоценить роль фактов экстралингвистического характера при этимологизации слов, которые обычно относятся к слою древней и древнейшей лексики: терминов родства, сельскохозяйственной терминологии, отражающей первобытный примитивный уровень животноводства и земледелия, географической терминологии и т. п. Изучение последней группы лексики — географической терминологии — нередко вынуждает обратиться к данным археологии или к свидетельствам древних историков и географов относительно рельефа данной местности в прошлом или ее жителей в раннее историческое или доисторическое время. История многих языков и их носителей изобилует свидетельствами о том, что многие из них — не автохтоны на нынешних территориях их обитания, а пришельцы — ранние или более поздние. Языки этих сменявших друг друга племен и народностей иногда были родственны (ср. славян и балтов), а в других случаях эти родственные отношения отсутствовали (ср. славян и угро-финнов). Таким образом, уже a priori можно допустить, что часть лексики, обозначающая особенности местного рельефа, древней